

Яков Михайлович Захер

ПЛЕБЕЙСКАЯ ОППОЗИЦИЯ в ПАРИЖЕ НАКАНУНЕ 9 ТЕРМИДОРА

Новая и новейшая история, 1962, № 5. С.56-71

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

В статье «Можно ли запугать рабочий класс якобинством?» В. И. Ленин писал: «Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог»¹.

На первый взгляд может показаться непонятным, почему Ленин считал, что для полной победы буржуазно-демократической (а не социалистической) революции требовалось наличие «материальных основ для социализма».

Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить, что основной движущей силой Великой французской революции была не буржуазия, а крестьянство и плебейские элементы городов. Если же говорить не о всей Франции, а только о Париже, где фактически решались судьбы революции, то здесь основной движущей силой были одни плебейские массы, прежде всего их наиболее революционная часть — «тот *предпролетариат*, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях»². Плебейские массы действовали при этом по мотивам, резко отличавшимся от взглядов даже наиболее революционной части тогдашней буржуазии — якобинцев. Вот почему Ф. Энгельс, отметив, что «только эти плебеи и совершили революцию», продолжает: «Но это было бы невозможно без того, чтобы эти плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не делали из равенства и братства крайних выводов, ставивших эти лозунги наголову, ибо буржуазный смысл этих лозунгов, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность. Но эти *плебейские* равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать нечто, *прямо противоположное* им, и, как всегда, по иронии истории, *плебейское* понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления своей противоположности — *буржуазного* равенства — перед законом — и братства — в эксплуатации»³.

Из этого важного наблюдения следует, что поскольку плебейские массы (если говорить о Франции в целом, то плебейские массы плюс крестьян-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 102.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 490.

³ Там же, стр. 408.

ство) были основной силой, на которую опиралась революционно-демократическая диктатура якобинцев. Это положение должно было измениться в момент, когда массы увидели, что буржуазно ограниченная по самой своей сущности якобинская диктатура неспособна осуществить их чаяния. Процесс этот начался осенью 1793 г. и привел к созданию в Париже летом 1794 г. широкой «плебейской оппозиции» якобинскому режиму. Именно поведение этой оппозиции в день контрреволюционного переворота 9 термидора было одной из важнейших причин поражения и гибели Робеспьера⁴.

Среди проблем истории Великой французской буржуазной революции XVIII в. вопрос о причинах падения якобинской диктатуры остается едва ли не самым острым. Существуют не только непримиримые разногласия между историками-марксистами и реакционной буржуазной историографией, но имеются известные расхождения в мнениях и среди советских историков. В частности, в некоторых работах, появившихся в период культа личности Сталина, ничего не говорится о нисходящей линии французской революции. Получила распространение версия, будто едва ли не единственной причиной 9 термидора был «заговор» контрреволюционеров, затаившихся в якобинской партии и Конвенте, а противники Робеспьера слева рассматривались чуть ли не как шпионы и враги революции. В той или иной мере эта версия отразилась и в коллективном труде «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», вышедшем в 1941 г. К сожалению, некоторые статьи, появившиеся к 250-летию со дня рождения Робеспьера, не исправили этой односторонности, а скорее усугубили ее.

Тем более необходимым представляется выяснение (на основании новых данных) обстоятельств возникновения и форм борьбы плебейской оппозиции против якобинцев. Этому и посвящена настоящая статья.

1

В плане *экономической* причиной возникновения плебейской оппозиции была неспособность якобинской диктатуры полностью удовлетворить интересы представителей плебейских масс как потребителей, с одновременным сознательным ущемлением их интересов, как продавцов своей рабочей силы.

Ф. Энгельс еще в 1845 г., говоря о Великой французской буржуазной революции, подчеркивал «связь между большинством восстаний того времени и голодом»⁵. Это замечание, сделанное тогда, когда научное изучение истории этой революции только еще начиналось, полностью подтверждено всеми новейшими исследованиями, посвященными истории массовых движений в Париже в 1789—1795 гг.⁶ Так, Рюде утверждает, что «наиболее частой причиной народных восстаний во время Революции, как и в XVIII в. в целом, было неизменное стремление «простого народа» к дешевизне и изобилию хлеба и других продуктов, его требование административных мероприятий для обеспечения того и другого»⁷. Именно это, как известно, побудило плебейские массы выдвинуть еще в 1792 г. требование «максимума» (т. е. таксации всех основных предметов первой необходимости), которое

⁴ Не это ли имел в виду Ф. Энгельс, когда он в письме к К. Марксу от 6 июля 1869 г. говорил о диктатуре Парижа над Францией, погубившей первую революцию? — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 241.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 588.

⁶ См., например, A. Soboul. Classes et lutte de classes dans la Révolution Française.— «La Pensée», 1954, № 53; G. Rudé. The Motives of Popular Insurrection in Paris During the French Revolution.— «Bulletin of the Institute of Historical Research», vol. XXVI, № 73, May 1953; его же. Les ouvriers parisiens dans la Révolution Française.— «La Pensée», 1953, № 48—49; его же. La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 à 1791.— «Annales Historiques de la Révolution Française», 1952, № 127; его же. The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1959 и др.

⁷ G. Rudé. The Motives of Popular Insurrection in Paris, p. 60. Разбор этого положения см. в рецензии Я. М. Захера и С. А. Лотте.— «Вопросы истории», 1959, № 12

якобинцы, после долгих колебаний и лишь под прямым давлением масс, в конце концов осуществили, издав 29 сентября 1793 г. закон об «общем максимуме».

Не соглашаясь с Е. В. Тарле, видевшим в законе о максимуме одни только отрицательные стороны⁸, нельзя признать правым и А. Матьеа, который явно преувеличивал положительные результаты этого закона⁹. Не касаясь сейчас деталей такой контрверсы, отметим только, что, на наш взгляд, ближе всех к истине подошел Жорж Лефевр. Якобинцы, писал он, «избегали применять изданные ими в области экономики законы во всей их полноте, что они не преминули бы сделать, если бы террор действительно (намек на точку зрения Матьеа. — Я. З.) имел своей целью ликвидировать собственников»¹⁰. Именно буржуазная ограниченность якобинской диктатуры (в том числе объективные трудности осуществления таксации товаров при сохранении системы частной торговли) была причиной того, что закон о максимуме, позволивший наладить снабжение армии и в какой-то степени обеспечить снабжение городского населения, не дал, да при тех условиях и не мог дать плебейским массам всего того, на что они надеялись, требуя его издания.

В течение зимы и весны 1794 г. в Париже то и дело вспыхивало недовольство, напоминающее те волнения, которые происходили до издания закона 29 сентября. Представление о них дают донесения тайных агентов министерства внутренних дел. Так, например, 20 февраля 1794 г. в толпе, собравшейся на рынке на Плас-Мобер, не встретило никаких возражений заявление одной женщины, что, «если бы я не сдерживала своих чувств, то послала бы к черту весь новый режим»¹¹. На следующий день на этом же и на других рынках продавцов иногда заставляли продавать товары по установленным самими покупателями сниженным ценам¹². 19 марта недалеко от Ратуши какой-то человек был арестован за громкий возглас, что «существующая у нас свобода создана только для богатых, а против бедных ведут войну». В конце марта несколько рабочих были арестованы за заявление о том, что «на свои деньги нельзя ничего купить», а «рабочие должны жить не хуже, чем другие»¹³. В середине апреля пять граждан секции Ломбар были арестованы лишь за разговоры о недостатке продовольствия¹⁴. А в конце апреля прачка из предместья Сен-Марсель обратилась к главнокомандующему Национальной гвардии Анрио с письмом, в котором называла его «проклятым прихвостнем Робеспьера»¹⁵.

Однако невозможность приобрести по твердой цене все необходимые населению товары — это было только полбеды. Главное заключалось в том, что плебейские массы, требуя максимума и необходимых для его проведения реквизиций, имели в виду только максимум цен и реквизицию товаров. Якобинцы же, верные своей буржуазной сущности, сверх этого включили в свое законодательство также максимум заработной платы и «реквизицию» рабочей силы. Правда, закон 29 сентября 1793 г., устанавливая максимальные цены на товары из расчета цен 1790 г. плюс $\frac{1}{3}$, зарплату нормировал из расчета зарплаты 1790 г. плюс $\frac{1}{2}$. Но это различие могло бы благоприятно сказаться на положении трудящихся масс только в том случае, если бы они могли получать по твердым ценам все необходимые им продукты и товары. Поскольку этого не было, то совершенно естественно, что рабочие вынуждены были бороться всеми доступными им способами против

⁸ Е. В. Тарле. Соч., т. II, М., 1957.

⁹ А. Матьеа. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928.

¹⁰ «Annales Historiques de la Révolution Française», 1937, № 80, p. 165.

¹¹ P. Caron. Paris pendant la terreur, t. IV. Paris, 1949, p. 237.

¹² Ibid., p. 263—264.

¹³ G. Rudé. The Crowd in the French Revolution, p. 133.

¹⁴ «Die Sansculotten von Paris». Berlin, 1957, № 87.

¹⁵ Arch. Nat., AF^{II} — 47, plaq. 368, fol. 37. Цит. по: G. Rudé. The Crowd in the French Revolution, p. 134.

предпринимателей (и поддерживавшего их правительства), которые, заставляя их работать по «максимальным» ставкам зарплаты, вместе с тем не обеспечивали продажи по твердым ценам всех необходимых рабочим продуктов и товаров первой необходимости.

Впрочем, поскольку речь идет здесь только о Париже, отрицательные стороны закона 29 сентября 1793 г. сказались на положении плебейских масс не сразу. Существовавшая в Париже до весны 1794 г. эбертистская Коммуна, находившаяся под значительным влиянием народных масс, строго придерживалась закона о максимуме на товары, но практически не применяла ст. 8 закона о максимуме зарплаты¹⁶. Хотя Матьез и некоторые другие историки утверждали обратное, новые исследования Рюде и Собуля неопровержимо доказали, что в Париже твердые ставки заработной платы были установлены впервые лишь после замены эбертистской Коммуны робеспьеристской, а именно — ее постановлением от 21 мессидора (9 июля 1794 г.), опубликованным 5 термидора (23 июля 1794 г.)¹⁷.

О существовании в Париже более раннего тарифа заработной платы нет упоминаний ни в официальных документах, ни в устных и письменных выступлениях деятелей того времени; в полицейских донесениях о «чрезмерных требованиях» рабочих эти требования сравнивались только с заработной платой предыдущих месяцев или лет. Между тем, справедливо отмечают Рюде и Собуль, «несомненно, если бы существовало постановление Коммуны, фиксирующее максимум зарплаты, то полицейские наблюдатели... сравнивали бы фактическую зарплату с зарплатой, предусмотренной таксой». Таким образом, заключают авторы, «эбертистская Коммуна под давлением санкюлотов проводила политику, определенно благоприятную для трудящихся и для потребителей, поскольку она строго применяла максимум на товары и до такой степени не обращала внимания на максимум зарплаты, что шла даже на прямое нарушение закона»¹⁸.

Вполне понятно, что такое положение вызвало сильное недовольство со стороны не только предпринимателей, но и высших правительственных властей. Полицейский наблюдатель Перрьер в рапорте своему начальству от 14 вантоза (4 марта 1794 г.) писал: «Подмастерья каменщиков и плотников отказываются работать меньше чем за 6 ливров в день. Каждую декаду они требуют прибавки в 10 су. То же самое происходит и с поденщиками этих профессий; они добились зарплаты в 3 ливра 10 су. Если их умеренные требования встречают отказ, они грозят прекращением работы... Со всех сторон слышны возгласы возмущения тиранией рабочих; высказывают надежду, что их зарплата будет нормирована новым максимумом»¹⁹.

Надежды фабрикантов осуществились, когда робеспьеристы после разгрома и казни (24 марта 1794 г.) эбертистов вступили на путь некоторых уступок крупным собственникам и усиления нажима на плебейские массы. Смягчением максимума на товары (так называемый «третий максимум»), уничтожением должности «комиссаров по скупкам» и роспуском революционной армии «Комитет общественного спасения решил восстановить в пользу хозяев традиционное социальное равновесие, которое одно время казалось нарушенным в пользу санкюлотов»²⁰. «Для того чтобы спасти отечество и довести до конца революционную войну, якобинцы оказались

¹⁶ M. E u d e. La politique sociale de la Commune robespierriste. Le 9 thermidor.— «Annales Historiques de la Révolution Française», 1936, № 76, p. 292.

¹⁷ G. R u d é, A. S o b o u l. Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor.— «Annales Historiques de la Révolution Française», 1954, № 134, p. 2—3.

¹⁸ Ibid., p. 5—6.

¹⁹ «Die Sansculotten von Paris», № 65.

²⁰ G. R u d é, A. S o b o u l. Le maximum..., p. 6; см. также M. E u d e. La politique sociale..., p. 292; W. M a r k o v. Über das Ende der pariser Sansculottenbewegung.— «Beiträge zum neuen Geschichtsbild». Berlin, 1956, S. 155—156.

вынужденными опереться не только на мелких производителей и санкюлотов, но равным образом и на часть крупной буржуазии»²¹. С этой целью как Конвент и правительственные комитеты, так и вполне покорная теперь робеспьеристская Парижская коммуна, не дожидаясь издания тарифа заработной платы, стали применять против борющихся за повышение своего жизненного уровня рабочих различные репрессивные меры, удобным предлогом для чего служил все еще продолжавший действовать закон Ле Шапелле. «Весьма характерно для Робеспьера, — отмечал Маркс, — что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания *против* рабочих продолжали сохранять свою силу»²².

Эта новая политика Парижской коммуны выявилась сразу же после падения эбертистов. Так, когда в начале жерминаля рабочие, изготавливавшие типографские знаки, попытались организовать кассу взаимопомощи, Генеральный совет Коммуны, в полном соответствии с духом закона Ле Шапелле, запретил им это, ибо подобная касса «напоминала бы уничтоженные законом прежние корпорации»²³.

Еще более ярко отношение робеспьеристской Коммуны к рабочим проявилось в связи с забастовкой на табачной мануфактуре некоего Робильяра. На заседание Коммуны 2 флореаля (21 апреля 1794 г.) явилась делегация из 10 рабочих этой мануфактуры (еще 200 рабочих остались на улице) и потребовала повышения заработной платы. Заместитель национального агента Моэн ответил делегатам, что размер зарплаты зависит от их соглашения со своим нанимателем, а Коммуна в это дело вмешиваться не может. Но сам национальный агент, видный робеспьерист Пайян, не удовлетворившись ответом своего заместителя, обвинил рабочих в том, что они не только собрались на незаконное собрание, но и действуют под влиянием агитации контрреволюционеров. В заключение Пайян потребовал ареста всех собравшихся рабочих с тем, чтобы полицейские власти разобрались, наказали виновных и освободили невинных. Несмотря на протесты некоторых членов Коммуны, предложение Пайяна было принято²⁴.

За табачниками последовали пекари. На заседании Коммуны 13 флореаля (2 мая 1794 г.) они были обвинены в том, что «позволяют себе требовать от нанимателей чрезмерную зарплату и количество мяса, значительно превышающее норму, установленную Комитетом общественного спасения для всех граждан; когда их требований не удовлетворяют, они оставляют работу»²⁵. По этому поводу Пайян, обращаясь к рабочим, заявил: «Вы говорите, что недостаточно зарабатываете, а между тем можете оставаться по несколько дней без работы»²⁶. Коммуна постановила, что пекари могут оставить работу только после того, как предупредят об этом своих нанимателей по крайней мере за месяц. Нарушители этого предписания должны были рассматриваться как «подозрительные», со всеми вытекающими из этого последствиями; это касалось и тех пекарей, «которые потре-

²¹ G. Rudé. Les ouvriers parisiens..., p. 123; подробнее см. G. Rudé. Die Arbeiter und die Revolutionsregierung.— «Maximilien Robespierre. Beiträge zu seinem 200. Geburtstag». Berlin, 1961.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 234.

²³ «Moniteur», t. XX, p. 43; P. Sainte-Claire Deville. La Commune de l'an II. Paris, 1946, p. 176. Эта книга, написанная с явно реакционных позиций, интересна лишь приводимым в ней обширным документальным материалом, ранее неизвестным.

²⁴ «Moniteur», t. XX, p. 302. Арестовано было пять человек. Их дальнейшая судьба неизвестна. Но на докладе об этих событиях Сен-Жюст (в качестве главы Бюро общей полиции Комитета общественного спасения) наложил резолюцию: «Отправить в полицию, чтобы выяснить виновников собрания и законность требований», а в своем докладе Конвенту 30 мая он потребовал «принять решение о табачниках, арестованных 3 флореаля за образование собрания». — G. Rudé, A. Soboul. Le maximum..., p. 8; M. Eudé. La politique sociale..., p. 292—293.

²⁵ «Moniteur», t. XX, p. 378.

²⁶ P. Deville. La Commune de l'an II, p. 177.

буют количества мяса, более значительного, нежели предоставляется всем гражданам Комитетом общественного спасения»²⁷.

Почти одновременно выступили и рабочие порта, которых командующий парижской Национальной гвардией Анрио обвинил в том, что их «требование чрезмерной заработной платы может только повести к усилению дороговизны»²⁸. Было арестовано 19 или 20 рабочих, а в обращении Парижской коммуны к рабочим от 16 флореаля (5 мая) волнения объяснялись происками контрреволюционеров, и рабочих предупреждали, что Коммуна «будет предавать соответствующим судебным органам всех тех из них, кто противозаконно оставит работу, которая должна быть им тем более дорога, что она необходима для обеспечения общественного существования»²⁹.

Разумеется, политика робеспьеристской Коммуны в отношении рабочих только отражала линию поведения центральных правительственных властей. Особенно характерны постановления Комитета общественного спасения от 13 прериаля (1 июня), запрещавшее нанимателям и общественным организациям платить рабочим зарплату, превышающую максимум, и от 14 прериаля (2 июня), грозившее забастовавшим водникам применением к ним закона о подозрительных³⁰. А еще за месяц до того, 15 флореаля (4 мая), Национальный конвент по предложению Барера принял закон, объявлявший мобилизованными всех рабочих, занятых на производстве, транспорте и в торговле предметами первой необходимости, и грозивший судом Революционного трибунала тем из них, кто вступит в «преступную коалицию»³¹.

Но особенно бурной была реакция властей на волнения среди рабочих военной промышленности, непосредственно подчиненной Комитету общественного спасения³². Непомерно тяжелые условия, в которых трудились здесь считавшиеся мобилизованными и не имевшие права самовольно уйти рабочие (огромный и для того времени рабочий день в 14—16 часов, низкая зарплата и т. п.), естественно толкали их на борьбу за улучшение своего существования. Однако якобинские власти упорно отказывались видеть в этой борьбе что-либо иное, кроме контрреволюционного стремления ослабить военную мощь государства, и строго применяли закон о максимуме заработной платы. К чему это приводило, ярко показывает следующий пример.

12 пювизоа Комитет общественного спасения установил новые расценки на некоторые виды работ по производству ружей. Печатное извещение за подписью всех членов КОС было вывешено и у входа в ружейную мастерскую в секции Нераздельности. В ночь с 15 на 16 вантоза (с 5 на 6 марта 1794 г.) на извещении были сделаны карандашом следующие надписи: около фамилии Робеспьера — «людоед», около фамилий Приёра, Лендэ и Барера — «обманщики неизменно легковерного и глупого народа; воры, убийцы»³³. Этот случай не был единичным. Волнения среди рабочих оружейных мастерских вызывали большое беспокойство Комитета общественного спасения. Около 5 тыс. рабочих двух мастерских требовали, начиная с декабря 1793 г., повышения заработной платы; часто имели место «возмутительные» и «законопротивные» беспорядки³⁴. Неудивительно, что 19 пре-

²⁷ «Moniteur», t. XX, p. 378.

²⁸ G. Rudé. Les ouvriers parisiens..., p. 123—124.

²⁹ G. Rudé, A. Soboul. Le maximum..., p. 9; M. Eude. La politique sociale..., p. 295—296.

³⁰ F.-A. Aulard. Recueil des actes du Comité de Salut Public, t. XIV, Paris, 1900, p. 53—54, 82—83.

³¹ «Moniteur», t. XX, p. 382.

³² C. Richard. Le Comité de Salut Public et les fabrications de guerre sous la Terreur. Paris, 1922.

³³ A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Histoire politique et sociale des sections de Paris, 2 juin 1793—9 thermidor an II. La Roche-sur-Yon, 1958, p. 732.

³⁴ G. Rudé. The Crowd in the French Revolution, p. 134; егo же. Les ouvriers parisiens..., p. 123—124.

риала (7 июня) КОС предписал арестовать «зачинщиков»³⁵, а Конвент 22 прериала (10 июня) по докладу Барера постановил предавать суду Революционного трибунала «всех контрреволюционеров, применяющих преступные махинации в мастерских по изготовлению ассигнатов, оружия, пороха и селитры»³⁶. Что это не было только угрозой, показывает хотя бы дело некоего Дарде, арестованного 27 июня, так как он «оставил работу под предлогом недостаточного заработка», и преданного затем суду Революционного трибунала³⁷.

Подобные меры применялись не только против рабочих оборонной промышленности. В начале июля в Париже имели место волнения среди рабочих фаянсового производства. 6 июля хозяева доносили Комитету общественного спасения, что «занимаемые ими рабочие постановили прекратить работу, если им не установят зарплаты, двойной против 1790 г.», и что «они угрожают тем, кто не подчинится их постановлению». На донесении об этом Сен-Жюст наложил резолюцию: «сообщить прокурору Революционного трибунала»³⁸. Но все эти репрессии не сломили парижских рабочих, и в течение всего прериала, мессидора и начала термидора волнения среди них продолжались³⁹.

Таковы были события, предшествовавшие принятию Парижской коммунальной 21 мессидора таблицы максимума заработной платы, опубликованной 5 термидора. До самого последнего времени эта таблица считалась утерянной, и лишь совсем недавно Рюде и Собулю удалось обнаружить четыре ее экземпляра в картонках 12/1154³⁰ и AD/XI — 75 Национального архива и в брошюре под шифром Lb⁴⁰ 1154 M Национальной библиотеки в Париже⁴⁰.

Поскольку это был первый максимум зарплаты, введенный в Париже, его ставки можно сравнивать лишь с теми, которые фактически применялись ранее. Рюде и Собуль так и сделали. «Сравнение этих цифр, — говорят они, — чрезвычайно красноречиво. Оно показывает, что ставки 5 термидора приводили к понижению заработной платы, порой очень значительному. Так, например, заработок плотника первого разряда снижался с 8 ливров до 3 ливров 15 су, заработок кузнеца... с 10 ливров 10 су до 6 ливров и т. д.»⁴¹.

Совершенно ясно, что такой характер тарифа 5 термидора не мог не вызвать негодования предпролетарской части плебейских масс Парижа. Еще более показательным, что якобинские власти заранее ожидали такую реакцию. Утром 9 термидора, за несколько часов до начала трагических событий этого дня, мэр Парижа Леско-Флерио распорядился стянуть на следующий день — декады (т. е. день отдыха) вооруженную силу, «особенно нужную в минуту, когда злонамеренные люди могут использовать объявление ставок максимума зарплаты рабочих для введения граждан в заблуждение»⁴². В это же время на площади перед ратушей имело место собрание рабочих, протестовавших против максимума 5-го термидора⁴³.

Можно ли удивляться, что в этих условиях все попытки робеспьеристов несколько часов спустя привлечь рабочих на свою сторону против Конвента оказались безрезультатными? По рассказу одного очевидца, когда Анрис во время своей неудачной попытки освободить арестованных Робеспьера и его товарищей из помещения Комитета общественного спасения, пытался призвать на помощь случайно встреченных им на улице рабочих, чи-

³⁵ G. Rudé, A. Soboul. Le maximum..., p. 11.

³⁶ «Moniteur», t. XX, p. 699.

³⁷ G. Rudé. Les ouvriers parisiens..., p. 123—124; M. Eude. La politique sociale..., p. 296.

³⁸ M. Eude. La politique sociale..., p. 295—296; G. Rudé, A. Soboul. Le maximum..., p. 13.

³⁹ G. Rudé, A. Soboul. Le maximum..., p. 12—14.

⁴⁰ Ibid., p. 2.

⁴¹ Ibid., p. 14.

⁴² Ibid., p. 16.

⁴³ G. Rudé. Les ouvriers parisiens..., p. 124—125.

нивших мостовую, те ограничились ни к чему не обязывающими возгласами «Да здравствует Республика!» и спокойно продолжали работу⁴⁴. Известно также, сколь мал был успех выпущенного Коммуной воззвания к народу, в котором она пыталась возложить ответственность за максимум 5 термидора на Барера⁴⁵. Когда же на следующий день, 10 термидора, Робеспьера и его товарищей везли на казнь, многие рабочие провожали их негодующими криками: «проклятый максимум»⁴⁶. Когда же 11 или 12 термидора подмастерья щеточного мастера Рамосена стали требовать прибавки заработной платы, они мотивировали свое требование тем, что «теперь максимум выброшен в корзину»⁴⁷.

2

В политическом плане возникновение плебейской оппозиции якобинской диктатуре связано с демократическими требованиями парижских санкюлотов, которые составляли авангард Французской революции. «Они понимали, — отмечает А. Собуль, — народный суверенитет в прямом смысле этого слова, требовали права на утверждение законов, а также права контроля над своими избранниками и их отзыва. На общих собраниях секций они осуществляли прямую демократию и требовали создания народной республики»⁴⁸.

Каково было отношение якобинцев к этому плебейскому пониманию демократии и народного суверенитета? До поры до времени, пока якобинцам это было выгодно, они были готовы его терпеть. Так, во время выборов в Конвент и в Парижскую коммуну осенью и зимой 1792 г. открытое голосование широко применялось, а право отзыва депутатов было единственным возможным юридическим оправданием переворота 31 мая — 2 июня 1793 г. Но после победы якобинцев над своими противниками справа, положение решительно изменилось. «Могло ли буржуазное понимание демократии, — ставит вопрос А. Собуль, — ужиться с политическими тенденциями санкюлотов?» И отвечает: «Зародившиеся и испытанные в огне борьбы, эти тенденции содействовали успехам революции и укреплению якобинской диктатуры. Но вместе с тем народное понимание демократии, вполне соответствовавшее политическим интересам санкюлотов, было несовместимо с поведением и концепциями буржуазии: оно угрожало ее интересам и ее господству. В объективных условиях того времени это противоречие могло быть разрешено только подчинением парижских секций»⁴⁹.

Первым шагом в этом направлении был декрет 5—9 сентября 1793 г., ограничивавший число общих собраний парижских секций, до тех пор проводившихся ежедневно, двумя в неделю. Правда, этот декрет содержал также постановления, на первый взгляд направленные в пользу плебейских масс: вводилась оплата в два ливра за посещение каждого собрания, которую должны были получать все «граждане, не имеющие других источников существования, кроме дневной заработной платы»⁵⁰. Но эта мера лишь затушевывала подлинный смысл закона — лишение парижских секций их прежнего политического влияния⁵¹. Более того, выплата двух ливров мог-

⁴⁴ P. Deville. La Commune de l'an II, p. 217.

⁴⁵ E. B. Тарле. Жерминаль и прериаль. М., 1957, стр. 285.

⁴⁶ F.-A. Aulard. Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire, t. I. Paris, 1898, p. 11—12.

⁴⁷ R. Cobb. Une «coalition» des garçons brossiers de la section des Lombards.— «Annales Historiques de la Révolution Française», 1953, № 130, p. 67.

⁴⁸ A. Soboul. Aspects politiques de la démocratie sans-culottes en l'an II.— «La Pensée», 1957, № 71, p. 22. Выражение «народная республика» встречается у E. Varry. Essai sur la dénomination politique.— Bibl. Nat., Lc² 809 (примечание А. Собуля).

⁴⁹ Ibid., p. 22. 34.

⁵⁰ «Archives parlementaires», I-e série, t. LXXIII, p. 601.

⁵¹ Подробности о борьбе парижских секций с якобинским правительством за свое влияние, а также о плебейском понимании демократии см. в кн. A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II...

да стать приманкой для деклассированных элементов, готовых создать в той или иной секции искусственное большинство.

Вторым ударом, нанесенным парижским секциям, была реорганизация их революционных комитетов, т. е. исполнительных органов, в руки которых закон 17 сентября 1793 г. о подозрительных вложил огромную власть — аресты контрреволюционеров, выдача свидетельств о благонадежности, без предъявления которых нельзя было ни устроиться на работу, ни переехать на другое место, ни получить зарплату или пенсию, и т. д. Первоначально (по закону 21 марта 1793 г.) революционные комитеты избирались самими секциями и подчинялись им. Теперь же они были поставлены в зависимость сначала от Парижской коммуны (закон 5—9 сентября 1793 г.), а затем от Комитета общественного спасения (закон 14 фримера 4 декабря 1793 г.). Кроме того, эти вышестоящие органы получили право смещать избранных секциями, но неугодных им членов революционных комитетов, и заменять их новыми по своему собственному усмотрению⁵². В результате существовавшая ранее тесная связь членов революционных комитетов с населением их секций оказалась теперь значительно ослабленной⁵³.

Если ликвидация политического влияния парижских секций началась уже с сентября 1793 г., то после падения эбертистов та же судьба постигла и дотоле всемогущую Парижскую коммуну. Хотя она как таковая и не принимала участия в неудачной попытке восстания, однако многие ее члены в связи с ликвидацией эбертистов были казнены, арестованы или исключены из состава Коммуны. В результате многие места оказались вакантными и некоторые секции Парижа были теперь представлены в этом центральном органе парижского городского самоуправления только одним депутатом каждая. Новые выборы произведены не были, а Комитет общественного спасения собственной властью не только пополнил число членов Коммуны, но и назначил ее руководящие органы — мэра, национального агента, членов полицейской администрации и т. д.⁵⁴ Тем самым и Коммуна, подобно революционным комитетам, утратила прежнее значение выборного органа парижского населения.

Нет, разумеется, никакого сомнения, что эта централизация управления Парижа, логически вытекавшая из ст. 1 учредительного закона 14 фримера о том, что «единственным центром управления является Национальный конвент»⁵⁵, была одним из важных составных элементов того «революционного порядка управления», который обеспечил победу революционной Франции над ее внутренними и внешними врагами. Этот «революционный порядок управления» был не чем иным, как революционной диктатурой в лучшем смысле этого слова, а, по классическому определению В. И. Ленина, «кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революций или ничего не хочет знать в этой области»⁵⁶. Однако не удивительно, что при незрелости тогдашних плебейских масс они этой необходимости понять не могли.

Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что в результате естественной для буржуазной революции классовой ограниченности якобинской диктату-

⁵² Насколько широко использовалось это право, видно хотя бы из того, что на заседании Парижской коммуны 3 октября 1793 г. из представленных на утверждение кандидатов в члены революционных комитетов были утверждены только два, а на заседании 4 октября ни один кандидат утверждения не получил.— L. J a s o b. *Les suspects pendant la Révolution. 1789—1794.* Paris, 1952, p. 84.

⁵³ Подробнее об этом см. А. S o b o u l. Maximilien Robespierre.— «Cahiers du communisme», 1958, № 5, p. 821; его же. Революционные комитеты парижских секций.— «Французский ежегодник, 1958». М., 1959.

⁵⁴ P. D e v i l l e. *La Commune de l'an II*, p. 150, 153—160, 167—169.

⁵⁵ P. J. B. B u c h e z, P. C. R o u x. *Histoire parlementaire de la Révolution Française*, t. XXX. Paris, 1837, p. 256.

⁵⁶ В. И. Л е н и н. Соч., т. 31, стр. 314.

ры даже некоторые низовые органы «революционного правительства» носили буржуазный характер. Примером могут служить революционные комитеты парижских секций. А. Собулю, специально изучившему с этой целью картоны Национального архива, удалось выяснить социальное положение 454 членов революционных комитетов парижских секций. Оказалось, что 20 человек (4,5%) жили на доходы со своего имущества, 63 человека (12,9%) принадлежали к лицам свободных профессий, 6 человек (1,3%) являлись мелкими лавочниками или ремесленниками, 22 человека (4,8%) — служащими и 23 человека (4,9%) были из прислуги. К числу представителей плебейских масс могут быть отнесены лишь 22 человека (4,8%), причем в их число входят как наемные рабочие, так и ремесленные подмастерья и ученики ⁵⁷.

Такой классовый состав революционных комитетов объясняет, почему эти последние использовали свои широкие полномочия не только по прямому назначению — против контрреволюционеров, но нередко и против представителей плебейства. Мы уже видели, как закон о подозрительных применялся против рабочих, недовольных максимумом зарплаты, и особенно против стачечников. И это происходило в то самое время, когда, как показывают исследования Грира, из общего числа в 14 497 казненных во Франции за время террора по приговору суда, только 61 человек был казнен за спекуляцию ⁵⁸. Последнее объясняется тем, что по закону 30 сентября при рассмотрении дел о спекуляции присяжными могли быть только лица, «знакомые с ведением торговли», т. е., иначе говоря, торговцы ⁵⁹. Вот почему, хотя несомненно основное острое якобинского террора было направлено против контрреволюционеров, все же методы его применения оставляли широкое поле для различных злоупотреблений. Вот почему Ф. Энгельс был абсолютно прав, когда в письме К. Марксу, описывая методы инсценировки правительством Луи-Филиппа процессов против «коммунистов-материалистов», утверждал, что при их помощи «можно очень легко осудить любого человека. Cela sent son Hébert» ⁶⁰.

Весной 1794 г. положение стало еще более острым. «К концу 1793 г., — писал Энгельс, — границы были почти обеспечены. 1794 г. начался благоприятно, французские армии почти повсюду продвигались вперед. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой для Робеспьера, как и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира. В этом конфликте трех направлений победил Робеспьер, но с тех пор террор делался для него средством самосохранения и тем самым стал абсурдом» ⁶¹.

Результатом этого изменения общего характера якобинского террора (наиболее ярким проявлением которого был закон 22 прериаля ⁶²) стало то, что теперь террор в значительно более сильной степени, нежели раньше, бил по плебейским массам и низам мелкой буржуазии. По подсчетам Гри-

⁵⁷ «La Pensée», 1956, № 65, p. 28; «Французский ежегодник, 1958», стр. 159—163.

⁵⁸ D. Greer. The Incidence of the Terror During the French Revolution. A Statistical Interpretation. Cambridge (Mass.), 1935, p. 81—82. Что касается специально Парижа, то из рассмотренных там 43 дел о спекуляции — 30 закончились оправданием, а к смерти было приговорено только 8 человек. — H. Calvet. L'assaparement à Paris sous la terreur. Paris, 1932, p. 36.

⁵⁹ «Moniteur», t. XVIII, p. 15. Неудивительно, что этот закон вызвал негодование плебейских масс, и в октябре 1793 г. 36 парижских секций обратились к Конвенту с требованием, чтобы присяжными при рассмотрении дел о спекуляции могли быть только лица, «не принадлежащие к классу торговцев, банкиров, спекулянтов и даже богатых», поскольку «нацию составляют только санкюлоты, а ничтожное число тех, кто захватил в свои руки все богатство, — не нация, а привилегированные». — Arch. Nat., DIII, 255—256, d. I, p. 18. Перелечатано в «Die Sansculotten von Paris», № 40.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 67.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 82.

⁶² Текст его см. P. J. V. Buchez, P. C. Roux. Histoire parlementaire de la Révolution Française, t. XXXII, p. 193—199.

ра, «во время «большого террора» (т. е. после издания закона 22 прериаля.— Я. З.) 38% его жертв в Париже падало на долю низших классов»⁶³. Правда, при оценке этих цифр следует иметь в виду, что из 4389 человек, которых Грир относит к рабочему классу, 441, т. е. около 10%, составлял бывшая прислуга аристократов — элемент в большинстве случаев контрреволюционный. Но и остающегося количества более чем достаточно, чтобы утверждать, что в результате буржуазной ограниченности якобинской диктатуры, жертвами ее (хотя, конечно, в несравненно меньшей степени, чем подлинные контрреволюционеры) становились также представители плебейских масс.

Надо заметить, что плебейские массы не только понимали, но даже и преувеличивали степень антинародной направленности якобинского террора. Так, Жак Ру, критикуя закон о подозрительных, утверждал, что «судьба патриотов ввернется врагам республики» и что «арест подозрительных поручается негодям и контрреволюционерам, надевающим на себя личину законности, чтобы убить свободу в лице ее наиболее преданных защитников»⁶⁴. В том же духе высказывались Леклер, Общество революционных республиканок, находившееся под влиянием «бешеных», и Варле⁶⁵.

В полном соответствии с мнением вождей «бешеных» рассуждали и рядовые представители плебеев. Так, полицейский наблюдатель Бери в своем донесении от 11 плювиоза (30 января 1794 г.) утверждает, что по словам рабочих «революционные комитеты напроналаую арестовывают подлинных республиканцев»⁶⁶. Об этом же говорят и многие другие полицейские донесения, особенно относящиеся к периоду после издания закона 22 прериаля.

Таковы были основные политические причины, определившие недовольство плебейских масс Франции, в особенности Парижа, системой якобинской диктатуры. Как справедливо заметил А. Собоуль, «якобинское правительство, выше всего ставившее централизацию, осуществлением соответствующих мероприятий бесспорно укрепило свою власть. Но вместе с тем, стремясь втиснуть народное движение в якобинские рамки, оно потеряло ту поддержку санкюлотов, которая предыдущей весной (1793 г.— Я. З.) привела его к власти. Таким образом, и в области политической весна II года Республики стала временем бесповоротного разрыва между народным движением и революционным правительством»⁶⁷.

3

Рассмотрим теперь те *формы*, в которых развивалась оппозиция плебейских масс Парижа системе революционного порядка управления, и те органы, которые служили цитаделью оппозиции. Ими — по крайней мере до весны 1794 г. — были так называемые «секционные общества».

На удар, нанесенный законом 5—9 сентября 1793 г. политической активности парижских секций, последние ответили протестами, в том числе коллективным протестом всех 48 секций Парижа, оглашенным на заседании Национального конвента 17 сентября 1793 г. одним из вождей «бешеных» — Варле. Однако протест этот не был принят во внимание якобинцами; более того, Робеспьер объявил его провокацией контрреволюционеров⁶⁸. Парижским секциям не оставалось ничего другого, как искать об-

⁶³ D. Greer. *The Incidence of the Terror...*, p. 122.

⁶⁴ «Le Publiciste de la République Française par l'Ombre de Marat», № 267, p. 5—7. О позиции Жака Ру см. также Я. М. Захер. *Последний период деятельности Жака Ру*. — «Французский Ежегодник, 1958».

⁶⁵ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № XXII; Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2412; Archives Nationales, F⁷ 4756. О позиции Варле см. Я. М. Захер. *Жан Варле во время якобинской диктатуры*. — «Новая и новейшая история», 1959, № 2.

⁶⁶ P. Saron. *Paris pendant la terreur*, t. III, Paris, 1943, p. 227.

⁶⁷ A. Soboul. *Robespierre and the Popular Movement of 1793—1794*. — «Past and Present», 1954, № 5, p. 64.

⁶⁸ «Archives parlementaires», t. LXXXIV, p. 311—312.

ходного пути, и он был найден в создании так называемых «секционных обществ»⁶⁹.

Не следует думать, что эти общества были чем-то совершенно новым. В ряде парижских секций и раньше, наряду с общими собраниями и исполнительными органами (гражданскими и революционными комитетами), существовали также «народные общества», т. е. клубы, объединявшие отдельные группы граждан. Но пока общие собрания секций проводились почти ежедневно и ничто не ограничивало их деятельности, секционные «народные общества» не играли особо заметной роли. Но в середине сентября 1793 г. некоторые секции объявили, что в те дни недели, когда не будет секционных собраний, они будут «заседать в качестве клуба». За вторую половину месяца было создано не менее 50 секционных обществ; при этом в некоторых секциях было создано даже по несколько таких обществ⁷⁰.

Разница между общими собраниями секций и «секционными обществами» не была только чем-то внешним и формальным. В отличие от общих собраний секций, активное участие в которых могло предоставить некоторые материальные преимущества (доступ к хорошим должностям, облегчение в получении свидетельства о благонадежности и т. д.), работа в секционных обществах не давала никаких практических выгод; поэтому членами последних становились только подлинно убежденные и бескорыстные революционеры. Прием в члены секционных обществ часто бывал затруднен, и кандидаты подвергались строгой проверке. Так, при образовании 18 сентября 1793 г. в секции Соединения (Réunion) «народного общества друзей Равенства» было оговорено, что «все граждане, желающие вступить в народное общество, должны быть подвергнуты чистке». Так же поступило народное общество секции Борепера, мотивировавшее свое решение тем, что всякое подобное общество «имеет право изгнать из своей среды любого плохого гражданина... склонного к сочувствию роялизму, аристократии, федерализму... любого гражданина, который действует, говорит или пишет против конституционных законов и прав народа»⁷¹. Чтобы быть принятым в обществе имени Лазовского (в секции Финистер), по словам полицейского наблюдателя Бакана, требовалось «дать отчет в своем поведении до и после начала революции и с фактами в руках доказать, что сделано (кандидатом.— Я. З.) для того, чтобы быть повешенным в случае торжества контрреволюции». Большинство секционных обществ решительно не допускало в свою среду представителей не только крупной, но даже и средней буржуазии. Так, при чистке этого же общества из шести ранее входивших в него виноторговцев пять были исключены⁷².

Но особенно отличались «секционные общества» от общих собраний секций правами, которыми пользовались в них женщины. В то время, как на общих собраниях женщины могли присутствовать только в качестве пассивных наблюдательниц, в секционных обществах они были такими же полноправными членами, как и мужчины⁷³. Между тем в условиях того времени, когда главными бедствиями масс были голод и дороговизна, женщины, которые несли основную тяжесть по добыванию пропитания, уже поэтому были настроены весьма радикально. «Более чувствительные, нежели мужчины, к дороговизне жизни и трудностям существования,— пишет Собуль,— женщины были наиболее решительными участниками народного движения и в вопросе продовольствия толкали на самые крайние

⁶⁹ Подробнее о них см. А. Собуль. Народные общества и парижские секции в 1793—1794 гг.— «Новая и новейшая история», 1958, № 4; A. Soboul. Les sans-culottes parisiens, p. 614—649.

⁷⁰ «Moniteur», t. XVIII, p. 509.

⁷¹ Arch. Nat., F⁷ 2495; C 280, pl. 768, p. 6. Перепечатано в «Die Sansculotten von Paris», № 36, 49.

⁷² P. Caron. Paris pendant la terreur, t. III, p. 188.

⁷³ См. А. Собуль. Народные общества..., стр. 23.

меры. Их участие придавало некоторым секционному обществам резко выраженный радикальный характер»⁷⁴.

Шолюне естественно, что большинство секционных обществ сразу попало под влияние эбертистов, которые после разгрома «бешеных» осенью 1793 г. в большей степени, чем другие политические группировки того времени, отражали чаяния плебейских масс⁷⁵. Это относится не только к отдельным секционным обществам, но и к созданному ими уже в начале октября 1793 г. «Центральному комитету народных обществ»⁷⁶. Этот ЦК вступил в связь с тогдашней цитаделью эбертизма — клубом Кордельеров; выработанная ими совместно программа может считаться наиболее адекватным выражением всех известных нам политических требований парижской плебейской оппозиции зимой 1793/94 г. Вот что по этому поводу рассказывает полицейский наблюдатель Гривель в своем рапорте от 19 плювиоза (7 февраля 1794 г.): «Говорят, что Венсан предложил обществу Кордельеров обратиться к Конвенту с петицией о том, чтобы власть, предоставленная революционными комитетами, была у них отнята и передана секционным народным обществам... Предложение Венсана было принято большинством голосов. Обращение к Конвенту об упразднении революционных комитетов и передаче их полномочий секционным обществам утверждено, но при этом сделана оговорка, что оно предварительно должно быть утверждено другими обществами...

Кордельерский клуб утверждает, что революционные комитеты... состоят большей частью из людей, лишенных каких бы то ни было талантов и заслуг и высказывающих ультрареволюционный патриотизм для того, чтобы скрыть свою жадность, властолюбие и желание сводить личные счеты. Он обвиняет их в том, что они несправедливы и жестоки; из-за них царит произвол, преследуют и арестовывают подлинных республиканцев; они сеют волнение, ужас и неуверенность в сердцах робких патриотов, которые уже не знают, что сделать для того, чтобы избежать судьбы своих знакомых, имущество и свобода коих не были пощажены»⁷⁷.

Подобные выступления, направленные против самых основ «революционного порядка управления», не могли не вызвать сильнейшего противодействия со стороны якобинцев, тем более сильного, что секционные общества с самого своего возникновения возбуждали у них большую настороженность. Так, уже 23 сентября 1793 г. Якобинский клуб постановил, что он разрешает аффилиацию с ним только тем секционным обществам, «ядром которых являются секционные революционные комитеты» и «члены которых подвергнутся чистке со стороны революционных комитетов»⁷⁸. Более того, Робеспьер, уже 21 ноября 1793 г. резко выступивший в Якобинском клубе против секционных обществ, в речи 26 декабря повторил обвинения, выдвинутые им ранее против «бешеных». Он даже утверждал, что народ не принимает участия в этих обществах, «носящих священное название народных», что они «составлены из интриганов, находящихся на службе Австрии и России, и поэтому сами общества «состоят на содержании» иностранных держав»⁷⁹. Однако окончательный удар по секционным обществам якобинцы смогли нанести лишь после ликвидации эбертистов. На заседании Якобинского клуба 26 флореаля (15 мая 1794 г.) было принято решение о несовместимости членства в клубе с пребыванием в составе

⁷⁴ A. Soboul. La société fraternelle du Panthéon-Français.— «Annales Historiques de la Révolution Française», 1957, № 146, p. 51.

⁷⁵ «После (разгрома.— Я. З.) «бешеных», «Отец Дюшен» и кордельеры,— правильно отмечал Ж. Лефевр,— стали главными вожжами санкюлотов».— G. Lefebvre. La Révolution Française, Paris, 1951, p. 375—376.

⁷⁶ О нем см. А. С о б о у л ь. Народные общества..., стр. 27—28.

⁷⁷ P. Caron. Paris pendant la terreur, t. III, p. 369—370.

⁷⁸ F.-A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V. Paris, 1895, p. 417.

⁷⁹ Ibid., p. 570, 581.

секционных обществ, причем Кутон, мотивируя это постановление, прямо заявил, что «пора секционным обществам исчезнуть с наших глаз»⁸⁰.

Секционные общества сразу поняли грозный смысл этого предупреждения и решили самораспуститься, чтобы не подвергать репрессиям своих членов. В обращении к Конвенту народного общества секции Брута говорилось: «Народные общества различных секций впали в настоящее время в неожиданную немилость... Их обвиняют в том, что они возрождают и распространяют аморальные и противные свободе принципы фракции кордельеров... Поэтому народное общество (секции Брута.— Я. З.) ныне объявляет, что оно прерывает свои собрания, а каждый из его членов... отныне будет появляться только в общих собраниях (секции.— Я. З.)»⁸¹. Этому примеру вскоре последовали и другие секции. Лишь несколько обществ (например, секции Обсерватории) продолжали деятельность⁸².

После ликвидации секционных обществ исчезли всякие возможности для легального проявления плебейской оппозиции якобинской диктатуре. Однако это ни в коей мере не означало исчезновения самой оппозиции; более того, увеличившийся в то время нажим на плебейские массы только усилил оппозицию. Теперь она могла выступать лишь подпольно и поэтому до нас дошли лишь очень неполные сведения. Они позволяют все же утверждать, что своего апогея плебейская оппозиция в Париже достигла именно в дни, непосредственно предшествовавшие перевороту 9 термидора.

Яркой иллюстрацией этого может служить так называемое «дело Легрэ»⁸³. В связи с победой, одержанной войсками Республики 26 июня 1794 г. при Флерюсе, и предстоявшей 14 июля годовщиной взятия Бастилии во многих парижских секциях стали устраиваться «братские» банкеты, на которых произносились тосты за близкое заключение мира. Но так как согласно декрету 10 октября 1793 г. заключение мира должно было означать и введение в действие конституции 1793 г., то формула «за скорейшее заключение мира» была не чем иным, как слабо замаскированным пожеланием скорейшей ликвидации «революционного порядка управления». Поэтому неудивительно, что «братские» банкеты вызвали сильнейшее недовольство якобинского руководства. В Конвенте на них обрушился Барер, в Якобинском клубе — сам Робеспьер, а парижский национальный агент Пайян выступил в Коммуне 12 и 15 июля с речами, в которых утверждал, что слухи о близости мира распускаются аристократами и что обедать за одним столом с разбитым противником является актом контрреволюции⁸⁴.

Как раз в эти дни, 29 мессидора (17 июля), на имя парижского мэра Леско-Флерио поступили два доноса, подписанные некими Фабрэгем и Рипаром, в которых сообщалось о разговоре, имевшем место 14 июля, в день празднования годовщины взятия Бастилии, между ними и Легрэ, членом революционного комитета секции Музея, одной из наиболее плебейских секций Парижа. Легрэ, по словам Фабрэга, осуждал якобинцев за казнь Эро-Сешелля, честного человека, заслужившего место в Пантеоне и виновного лишь в том, что выразил права человека. Кроме того, Легрэ выражал недовольство гибелью «огромного числа людей, казненных Комитетом общественного спасения для удовлетворения его тщеславия», и высказывал свое возмущение по поводу того, что «Конвент превратился лишь в прикрытие» КОС.

⁸⁰ Ibid., t. VI. Paris, 1897, p. 123, 127.

⁸¹ Arch. Nat., C303, pl. 1099, p. 9 (перепечатано в «Die Sansculotten von Paris», № 89).

⁸² R. C o b b e t. G. R u d é. Le dernier mouvement populaire de la Révolution Française à Paris.— «Revue Historique», 1955, octobre — décembre, p. 257—258.

⁸³ Документы о деле Легрэ сохранились в картонах 4774¹⁴ и W¹⁴ Национального архива и перепечатаны в статьях: A. M a t h i e z. L'Affaire Legray.— «Annales Historiques de la Révolution Française», 1927, № 22, p. 305—349 и P. C a r o n. Sur l'opposition de gauche à la veille du 9 Thermidor.— «Annales Historiques de la Révolution Française», 1947, № 108, p. 322—325.

⁸⁴ M. E u d e. La politique sociale..., p. 303—305.

Но главным в доносе Фабрэга были не эти слухи, а утверждение, будто Легрэ рассказывал ему о существовании в Париже подпольной организации, подготовлявшей выступление против «революционного порядка управления». «Граждане, присланные из департаментов (для участия в праздновании дня 14 июля.— Я. З.),— доносил Фабрэг о заявлении Легрэ,— находятся здесь, чтобы следить за Комитетом общественного спасения и Революционным трибуналом. Уже готовы речи, которые должны быть публично прочтены в секциях, как только наступит подходящий момент. В этих речах содержится требование дать (народу.— Я. З.) возможность пользоваться благами Конституции и уничтожить бесконечно тягостный революционный порядок управления»⁸⁵.

Донос Ришара в основном повторял донос Фабрэга. Новым было только утверждение, что Легрэ якобы говорил, что «Революционный трибунал отправляет (на гильотину.— Я. З.) в одной и той же повозке патриотов и контрреволюционеров». Кроме того получалось, что целью подготавливавшегося в секциях движения, о котором говорил Легрэ, было введение в действие конституции 1793 г. «и особенно установление свободы печати» посредством «совершения новой революции»⁸⁶.

В результате доносов уже 2 термидора (20 июля) Легрэ был арестован и против него начато следствие. Допрошенный в качестве свидетеля присяжный Революционного трибунала Люмьер, как гласит текст его допроса, «заявил, что, будучи одновременно с гражданином Легрэ членом революционного комитета секции Музея, он [Люмьер] в ряде случаев беседовал с ним об интересах народа и правительства. Во время этих бесед он часто оказывался вынужденным оспаривать мнения Легрэ, который, по-видимому, во многих отношениях не был согласен с установками о революционном порядке управления. Это видно из того, что он все время говорил о правах народа, о том, что его суверенитет нарушается, и ссылался на Декларацию прав». Когда же свидетель возражал ему, утверждая, что конституция и принцип народного суверенитета неприменимы во время войны, то Легрэ отвечал: «он не согласен с этим положением и никогда не потерпит, чтобы народ был лишен своих прав. А между тем такое нарушение прав народа происходит непрерывно, ибо комитеты Общественного спасения и Общей безопасности отняли у народа право избирать должностных лиц и захватили это право в свои руки»⁸⁷.

Но можно ли считать, что высказывания Легрэ не были только его личным мнением, а отражали точку зрения каких-то более или менее широких кругов населения? Ответом может быть следующий факт, являющийся, пожалуй, самым интересным во всем «деле Легрэ»: уже 2 термидора, т. е. в самый день его ареста, а затем повторно 6 термидора, восемь членов революционного комитета секции Музея, в состав которого входил Легрэ, не побоялись обратиться в соответствующие органы с ходатайством об его освобождении⁸⁸. Как вполне правильно замечает по этому поводу Матьез, эти ходатайства «сами по себе достаточны для того, чтобы показать, что точка зрения Легрэ не была только его личным мнением. Очевидно, движение против революционного порядка управления было достаточно широким, если революционный комитет секции Музея не поколебался выступить в защиту человека, обвинявшего Революционный трибунал в самых страшных злодеяниях и провозглашавшего необходимость новой революции, лишь бы свергнуть существующий диктаторский режим»⁸⁹.

На довольно широкое распространение накануне 9 термидора среди плебейских масс Парижа взглядов, направленных против «революционного

⁸⁵ A. Mathiez. L'affaire Legray..., p. 310—311.

⁸⁶ Ibid., p. 311—313.

⁸⁷ P. Caron. Sur l'opposition de Gauche, p. 324—325.

⁸⁸ A. Mathiez. L'affaire Legray..., p. 316.

⁸⁹ Ibidem.

порядка управления», указывает, помимо «дела Легрэ», еще одно аналогичное дело. Интересно оно, помимо прочего, еще и тем, что касается человека, который сразу же после 9 термидора стал ближайшим соратником Бабефа, Варле и Легрэ, а впоследствии бабувистом; речь идет о Бодсоне. Гравер по профессии, Жозеф Бодсон, так же как и Легрэ, был осенью 1792 г. комиссаром Временного исполнительного совета и выступал в защиту убийств 2 сентября, которые он называл «патриотической клизмой». Он был членом Коммуны 10 августа и так называемой «временной» Коммуны; затем был избран членом суда исправительной полиции⁹⁰. Весной 1794 г. Бодсон был арестован за связи с эбертистами. По словам одного доносчика, когда Бодсон уже находился в заключении, его жена, узнав о неудавшемся покушении Сесиль Рено на Робеспьера, будто бы воскликнула: «Ну, уж если бы мой муж прижал его (Робеспьера.— Я. З.) где-нибудь в угол, он бы не промахнулся»⁹¹.

Однако эти обстоятельства, как и в случае с Легрэ, не помешали друзьям Бодсона и еще двух арестованных членов секции Революционной обратиться в оба правительственных комитета с ходатайством об их освобождении, мотивируя прежними революционными заслугами арестованных и тем, что они никогда «не старались использовать в личных интересах свое участие в революции»⁹². Количество подписей под этим обращением — 75 — показывает, насколько широко недовольство политикой Робеспьера распространилось среди плебейских масс Парижа.

Дело Легрэ очень напугало робеспьеристское руководство. Если в знаменитом докладе Робеспьера 8 термидора мы находим только неясный намек на то, что в парижских секциях готовились предъявить Конвенту требования ввести в действие конституцию 1793 г., установить свободу печати и ликвидировать террор, то Сен-Жюст в своей оставшейся произнесенной речи 9 термидора прямо ссылаясь, в качестве доказательства существования антиправительственного заговора, на материал дела Легрэ. Останься все по-старому, Легрэ не миновал бы — и притом в самом ближайшем будущем — ножа гильотины. Но дело обернулось иначе — Легрэ остался жив⁹³, а на гильотину попали Робеспьер и его соратники.

Но меньше всего выиграли от 9 термидора рабочие, особенно враждебно настроенные против Робеспьера и робеспьеристских руководителей Коммуны и надеявшиеся, что их удаление будет иметь своим немедленным следствием отмену ненавистного им максимума зарплаты⁹⁴. Плебейские массы, оказавшие немалую услугу антиробеспьеристам в день 9 термидора своим нейтралитетом, а отчасти и активной их поддержкой, жестоко ошиблись в надеждах на улучшение своего положения. Случилось как раз обратное — «27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия»⁹⁵. Через несколько месяцев это поняли и сами плебеи и устами Бабефа выразили глубокое раскаяние в том, что своим поведением в день 9 термидора помогли крупной буржуазии свергнуть господство «неподкупного»⁹⁶. Но было уже поздно, и последние революционные выступления парижских плебейских масс в дни 12 жерминаля и 1—4 шрериала III года Республики привели лишь к полному разгрому народного движения и окончательному торжеству буржуазной контрреволюции.

⁹⁰ «Die Sansculotten von Paris», № 83.

⁹¹ M. Eude. Beiträge zur Biographie Robespierres.— «Maximilien Robespierre...», S. 98; G. Lefebvre. Sur la loi du 22 prairial an II.— «Annales Historiques de la Révolution Française», 1951, № 123, p. 242.

⁹² «Die Sansculotten von Paris», № 83.

⁹³ Он был освобожден уже 12 термидора и вскоре стал председателем своей секции и одним из руководителей Электорального клуба. О его деятельности в это время см. K. D. Tenneson. La défaite des sans-culottes. Mouvement populaire de réaction bourgeoise en l'an III, Oslo — Paris, 1959.

⁹⁴ G. Rudé. Les ouvriers parisiens..., p. 124—125.

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 82.

⁹⁶ См., например, «Le Tribun du Peuple», № 29 и следующие номера.

Ссылки на материалы к теме

К.Добролюбский. Термидор

http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book

П.Щеголев. После термидора: очерки по истории

термидорианской редакции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf

П.Щеголев. К характеристике экономической политики

термидорианской реакции

Ц.Фридлянд. Девятое термидора

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf

Я.Захер. Девятое термидора

http://pylippel.newmail.ru/bibliotheque/zacher_t.html

А.Матъез. Термидорианская реакция

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>

Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm

Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов:

политическая роль и организация

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm

Р.Монье. Сент-Антуанское предместье (1789-1815)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_87_stant.htm

А.Собуль. Проблемы труда во II году Республики.

Максимум заработной платы в Париже и события 9 термидора

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/soboul_therm.pdf

Е.Киселева. К вопросу о продаже национальных имуществ

(накануне 9 термидора)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/kiseleva_propri.pdf

Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области

регламентации торговли и промышленности

весной-летом 1794 года

http://vive-liberta.narod.ru/journal/kiseleva_max.pdf

Е.Киселева. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора

http://vive-liberta.narod.ru/journal/kisel_therm.pdf

Еще материалы, посвященные Термидору

http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm

Другие работы Я.Захера

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jz>